

Не количество важно, а медленное углубление в прочтение. Из современной литературы я знаю немного, хотелось бы восполнить этот пробел. Мечтаю, чтобы было больше свободного времени, чтобы сесть и по-смаковать книгу.

В последние годы меня преследует идея: вот вернусь домой — все откладываю в сторону, и только сам буду заниматься, дозировано общаться. И погружусь в чтение: новое — новым, а хочется вернуться как раз к старым книгам. Хочется так организовать время, чтобы делать все по приоритету и получать от этого большее удовольствие и счастье.

С 15-ти лет жил артистической жизнью города, в котором находился — сперва Кишинева, а потом Санкт-Петербурга. Днем я занимался, хоть и считаю, что не-

достаточно, а все вечера просто жил в Консерватории, Мариинском театре, Большом и Малом залах Филармонии и театре Товстоногова. Я полностью жил внутри театрально-исполнительского искусства, а не просто посещал концерты. И вот что интересно: на-днях показывают фрагмент или запись, допустим, концерта к 150-летию Чайковского, или «Франческу да Римини» с Мравинским, квинтет Дворжака с «бородинцами», Кагана с Гутман,— а я был на этом концерте. Это то богатство, с которым я просыпаюсь и что наполняет меня чувством невероятного счастья — у меня это было и осталось ощущение, будто это продолжает целиком жить во мне сейчас. Я прямо вижу, где я стоял на хорах, слушая концерт Мравинского. В эти моменты я чувствую себя очень молодым.

Inga KOROLKOVA
Lamentation performer
Ekaterina Ignatieva from the
Novgorod region
*Some unknown pages of Russian
folk-song art*

Инга КОРОЛЬКОВА
Новгородская плачя
Екатерина Игнатьева
*Неизвестные страницы русского
народно-песенного искусства*

Народная традиционная культура — удивительный мир. С одной стороны, это средоточие коллективного опыта предшествующих поколений, который становится для человека источником знания, стабильности, укрепляет его дух и силу. С другой стороны, традиция выступает и как порождающая основа, открывая перед индивидуумом замечательные возможности реализа-

An article about the outstanding lamentation performer Ekaterina Ignatieva, examples of her art having been recorded in 1989 by the Leningrad (St. Petersburg) Conservatory students. Ignatieva's life and song art reflected the biography of her generation (hard times of childhood, tragic years of war, early widowship, and solitude in old years). The students recorded from Ignatieva more than 20 lamentations connected with different ceremonial contexts. Ignatieva's manner of performing demonstrates a characteristic version of the local lamentation songs, remarkable for its tempo and rhythmical freedom, as well as for melodic and composition peculiarities.

Key words: Novgorod region, Lubytinsky district, lamentations, outstanding performers, heritage.

Статья о выдающейся новгородской плачя Е. М. Игнатьевой, записанной в 1989 году участниками экспедиции Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории. В жизни и творчестве Игнатьевой отразилась судьба ее поколения (тяжелое детство, сложные военные годы, раннее вдовство, одиночество в старости). От причитальщицы было записано более 20 образцов плачей, связанных с различными обрядовыми контекстами. В ее творчестве сложилась своеобразная версия местного причетного напева, для которой характерны темповая и ритмическая свобода, мелодическое и композиционное своеобразие.

Ключевые слова: Новгородская область, Любытинский район, причитания, плачи, выдающиеся исполнители, наследие.

ции творческого начала, присущего каждому. Человек, живущий в традиционном крестьянском сообществе, может выразить свою внутреннюю сущность через музыку, поэзию, танец, найти себя в рукотворных формах народного искусства, опираясь на его каноны.

Каждый преломляет традицию сквозь призму собственного житейского опыта, обнаруживая внутренние

Новгородская плачя Е. Игнатъева

тяготения, творческие пристрастия и выбирая наилучшие формы и жанры для воплощения личностного потенциала. В результате этого процесса рождаются талантливые исполнители на музыкальных инструментах, выдающиеся сказители, певцы, плясуны, мастера, проявившие себя в сфере прикладного искусства.

В истории музыкальной фольклористики сохранилось не так уж много имен, получивших широкую известность. На заре собирания фольклора в России были открыты и прославлены такие выдающиеся мастера народно-песенного искусства, как Трофим Рябинин, Василий Щеголёнок, Ирина Федосова, Мария Кривополенова. В результате активной экспедиционной и популяризаторской деятельности музыковедов-фольклористов второй половины XX века были открыты новые таланты. В этом ряду вспомним смоленских певиц Ольгу Трушину, Аграфену Глинкину, псковскую исполнительницу Ольгу Сергееву, голоса которых хорошо известны всем, интересующимся народной музыкой.

Однако имена большинства талантливых деревенских музыкантов остаются неизвестными за пределами своего края. Тем не менее, многие фольклористы-собиратели могут вспомнить встречи с незаурядными певцами, гармонистами, балалаечниками, творческий результат которых выделял их среди других исполнителей, хорошо владеющих традицией, но все же — рядовых. Об одной такой певице и пойдет речь далее.

В ходе работы с новгородскими фольклорными коллекциями Санкт-Петербургской консерватории¹ мое внимание привлекли записи, сделанные А. М. Мехнецовым и О. В. Шишковой (Смирновой) в поселке Неболчи Любытинского района Новгородской области от Екатерины Михайловны Игнатъевой. Собиратели встретились с этой женщиной 14 января 1989 года, а затем были у нее еще несколько раз. Им действительно попала мастерица. Мастерица плача. Участники экспедиции записали от нее свыше 20 образцов причитаний. В те годы записи причетов, конечно, не были редкостью, однако в новгородской коллекции 1988 и 1989 годов такого количества записей плачей от одной исполнительницы больше не встретилось (в основном, женщины могли исполнить один-два образца, многие записи имели характер пробы-вспоминания). Удивило еще одно обстоятельство: от женщины, которая прекрасно интонирует, имеет хороший голос, обладает прекрасной памятью на поэтические тексты, были записаны лишь три свадебные и одна лирическая песни, при этом по качеству исполнения они значительно уступали плачам. Однако достаточно ярко и убедительно Екатерина Михайловна продемонстрировала лесные аукания и частушки на «долгий» голос — жанры, тесно связанные с плачевой

культурой, а также поминальные песнопения и церковные молитвы.

Так уж получилось, что жанр плача стал основной формой творческой реализации Екатерины Игнатъевой. Почему именно плач? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к страницам биографии этой новгородской крестьянки.

Екатерина Михайловна родилась в поселке Неболчи в 1918 году и прожила там всю жизнь. В семье, где она росла, было десять своих и двое приемных детей. «А у нас у мамы-то десять человек своих, да вот этих двух ешшо взяли. Вот, двенадцать человек нас воспитывалось! Да двё стариков. Дедко двадцать пять лет вот был слепым, да matka вот семь лет была слепой. Четырнадцать человек было хлебоедов» (№ 2693–49). Среди детей Екатерина выделялась хорошим голосом и памятью. «Запеваю песни, и мама уже слышит голос: „Ага, голос — уже Катька идёт со школы!“ Идут встречать миня» (№ 2693–49).

Из беседы собирателей с этой музыкально одаренной женщиной выяснилось, что интерес к пению начал проявляться у нее приблизительно с семи лет. В это время она была отдана в няньки в соседскую семью, где присматривала за тремя детьми.

¹ В основе статьи лежат материалы, полученные в ходе комплексной экспедиции Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (при участии Вологодского государственного педагогического университета), проходившей под руководством А. М. Мехнецова зимой 1989 года в северо-восточной части Новгородской области. Далее в тексте будут даваться ссылки на номера по основному аудиофонду Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

«Было три комнаты у хозяйки. В задней — колыбели сделаны, как две люльки, вот так. Я стану, было, так, и качаю этих ребятишек. Этих ребят усыплю, котóры мálеньки. А э́тýй был третий годик девочке. А сама вот так вынóсь в окошко, голову — во! — в дырку (стéклó разбитóе, или там открою окно, или как), и пою песни. Хозяйка встретила мою мать и говорит:

— Ой, твоя-то дóченька — дак ведь она кáждой день бабочку мне придёт нажать!

А мама ей и говорит:

— Да как жо она бабочку тибé ходит нажать-то? Она ведь с тремя ребятишкам сидит, а самой-то десять лет! Што она ходит жать? Как она жнёт?

— Милая моя! Да как она запоёт песни-то — а я стану, да стою, да слушаю. Она песни поёт, а я стою-плачу. Она не унывáёт. А ишшó девочка — третий год. Она ей: „Пой, пой!“ И девочка ей што-то там: „Ля-ля-ля-ля!“ А эта нянька песни поёт! Люди-то по бабочке нажнут, а я всё слушаю, да слушаю, да плачу, да плачу. Она не скучает в няничках-то!» (№ 2993–48).

Своеобразной эмоциональной реакцией на трудности детства, связанные с бедностью и тяжелой работой, стал интерес к плачам, зародившийся в душе десятилетней девочки. Будучи в няньках, Екатерина старалась не пропустить ни одну похоронную процессию и бегала к церкви, чтобы послушать плачи и перенять их мотивы. «Звон-то церкóвной начнёт барабанить (колокола-да, покойника-то несут, вносят в цёркву-то отпевать) — эх, я щас! Ребёнка не снести мне — так на плечо, только бы он там не [шумел]. Эх, я щас в церковь смотреть покойничков, всех — как скúгорят [причитают. — И. К.], как плачут, всё вы́слушано. [Много] лет в нянечках отжито — так не сколько у меня хлеба съедено, сколько слéз пролито...» (№ 2693–52).

Время, на которое пришлась молодость Игнатьевой — 1930–40-е годы, один из самых сложных для русской деревни периодов. Оставшись вдовой в самом начале войны, женщина облекала свое горе в причет, напев которого сформировался в той звуковой среде, где плачи звучали постоянно. «Пойдёшь за ягодами-то — так бабки там начнут скúгорить. Вдовы-то скúгорят — и ты слышишь, и перенимáешь. Всё в голову-то пíшешь, пíшешь. Карандаша-то нет, а всё пíшешь!» (№ 2693–52).

Итак, художественная форма плача стала для Игнатьевой актуальным способом проживания жизненных ситуаций, вызывающих в душе сильный эмоциональный отклик. Обращение к плачу не просто помогало женщине в трудные минуты жизни, но и давало возможность проявить творческое начало, без сомнения, ей присущее.

Образцы плачей, записанные от Екатерины Михайловны, связаны с различными обрядовыми и необрядовыми ситуациями. Ею освоены традиционные причеты, сопровождающие обряды жизненного цикла — свадьбу, похороны и поминовения предков. Среди поминальных

причетов выделяется плач, сложенный ею в связи с ситуацией поминовения солдат, погибших во время Великой Отечественной войны. По словам Екатерины Михайловны, в дни памяти погибших, а также в весенние поминальные дни (Радуницу, Троицу) она всегда причитала в Неболчах у обелиска. «Приходишь — сначала минуту стоишь молчания, потом начинаешь скúгорить:

*А подхожу-то да я к могилы воина.
Да прираздáйтесь, песочки жёлты,
Да приоткрóйси-то, гробовá доска.
Да вы услышите, солдатки мýлы,
Да што мои-то словечка ласковы.
Да вы скажите словечко ласково
Да што со мной-то да, с сиротиночкой»
(№ 2963–62).*

Обширную группу образцов, записанных от Игнатьевой, составляют плачи, исполняемые в весенне-летний период. Их тексты содержат поэтические мотивы тоски по умершим родственникам (сестре, родителям), мужу, затрагивают тему сиротства. По комментариям самой причитальщицы, исполнение таких плачей часто сопровождало работу в поле (жатва, боронование) или в лесу (сбор ягод, грибов). Немаловажным для исполнительницы было общение с миром природы. Она вспоминала о том, что живой эмоциональный отклик (состояние беспокойства, тревоги, тоски) и желание причитать вызывали в ней звуки, слышимые в пространстве леса — шум ветра, течение реки, голос кукушки.

«Когда дýёт ветер и шатаётцы лес, вот ето так скúгорят²:

*Да вы задуйте-ка, ветры буйныи,
Да пораздáйтесь-ка, лескú тёмныи,
Да поразнесúте-ка тучи сéryи,
Да не пори-кось ты, частый дóбжжичок,
Да не мочи-то миня, сироточку,
Да позабытую, позабрóшену.
Да на чужой-то да на... а сторонушки.
О- (х) и- (х) и- (х) и- (х) и! Ох, ох...
Да позабыли-то миня родныи все,
Да што сестрицы-то мои рóдныи.
Да и братья-то мои желáнныи,
Да я остáлася, сиротиночка,
Да без своёво-то му... (у) жа мýлово, ох...
И ветер-то никак не принесёт никой весточки мне...»
(№ 2693–47).*

Тексты календарных причетов, записанных от Игнатьевой, насыщены мотивами-обращениями к ветру («не шуми»), дождю («не мочи меня»), реке («смой моё горе»), кукушке («покукуй», «поговори со мной»), что отражает их связь с женскими коммуникативными ритуалами и позволяет судить о древних истоках местной тради-

² Скúгорить — один из народных терминов, обозначающих плач, причитание.

Новгородская плачя Е. Игнатъева

ции. Наиболее явно ритуальный характер проявляется в причете-обращении к солнцу с просьбой обогреть. По словам причитальщицы, так всегда «скүгорили», когда собирали ягоды, грибы или же просто шли по дороге через лес.

*«Да распеки-ка ты, кра... (а) сно солнышко,
Да обогрей-ка миня... (а), молóдинькю,
Да позабыта я, позаброшена,
Да и отдана я в чужи людюшки.
Да на дальнюю ту... (у) сторонушку,
Да погляжу я-то в тую сторону,
Да где живут-то мои родители,
Да не скучаю-то я, подумаю,
Да по своей-то да родной матушки.
Да всё несча́стнаё-то... (о) да горюшко»*
(№ 2693–49).

Заметим, что в Любытинском районе причеты, связанные с обращениями к образам природы, в наиболее полном виде сохранились только в наследии Игнатъевой. В ее практике также выявлена традиция последовательного исполнения лесных ауканий и причитаний, раскрывающая особенности бытования этих жанров в контексте культа предков. «Вот я укаю и причитываю. Вот сначала поўкала, а потом сразу [причитаю]:

*У! У!
Я поўкаю, послухаю,
Да не отклькнитце, не... (е) открькнитце
Да со чужой-то да са... (а) старóнушки
Да моя мільенькая... (а) ты дítятко.
Да ни услышу яво... (а) галасóчку я.
Да штё я, бедная си... (и) ратíночка,
Да позабыта я, по... (о) забрóшена
О... (х) и- (х) и- (х) и- (х) и...
О... (х) и- (х) и- (х) и- (х) и...»*

(ЭФ № 2653–16).

В округе Неболчей было принято ходить на жальник, расположенный неподалеку в лесу и являвшийся местом захоронений. Екатерина Михайловна рассказывала о том, что в жальниках хоронили «незаконных» детей, бедных или одиноких людей. «Там эти — которы, вот, например, рóдятце — ну, не хотят матери. В óбшем, незаконных ребятишек туда хоронить носили, в этот жальник [...]. Например, у меня вот нет ни родных, никовó. Дак кто миня́ будет хоронить-то? Сделают гробик да в жальнике и похоронят» (№ 2653–05). В жальниках причитали как по своему горю, так и по умершим. Местные жители ходили на жальник в поминальные дни и в местные престольные праздники. «Мы ходили в Тíхвинску летом, во Фрол — тридцеть первого декабря. Ну и в Михайлов день ишшо́ ходили туда то́жо в жальники. Ну, типёрь ишшо́ весной — в Радоницу ходили туда» (№ 2653–05). На жальники ходили не только к «своим», но и к чужим могилам. «У ково́ есть свои похоронены. Или по старуш-

ке там — биздётны, бизрóдны старушки. Я по жалости пойду старушку помянуть, да друга по жалости идёт...» (№ 2653–05). В своих воспоминаниях Е. М. Игнатъева подчеркивала, что в местной традиции бытовали представления о жальниках как о ритуальных местах всеобщего поминовения. «Ну, которым старушкам ни сойтить [на кладбище] — в Тройцу. Туда видь восемь кило́метров надо пешочком было идти, а если старушке девяносто, вóсими́сят лет, да она идёт в жальнички. В жальнички там сядет на могилку и поскүгорит, и поплачет. Ей ни сойтítь [на кладбище]. Не обязательно сходить на свою могилу. Говорят, земля всё равно пóлнитце. Сходи на чужую могилку — земля это и есть земля» (№ 2653–05).

Плачи по своему горю могли исполняться, по выражению Екатерины Михайловны, в любое время, когда станет грустно, например — «в обидный час». Так уж сложилась жизнь, что в старости женщина осталась одна. Дети уехали в город, навещали редко. В трудные дни болезни за ней присматривала соседская девочка. Один из наиболее драматичных причетов был исполнен этой женщиной при воспоминании о детях, покинувших ее. «Когда детей ждёшь — не идут долго, детей нету, сидишь вот, заболела, некому дажо попить подать... Как поскүгоришь — так и есь.

*Да позабыли-та милы детушки,
Да сво... свою-то да ро... (о) дну матушку,
Да не приедут-то, ни... (и) придут ко мне,
И попить-то подать мне некому.
Ой, (х) и- (х) и- (х) и. Ой!
И не встать-то мне, и не поворотítце мне,
Да не поесть-то мне, не попить-то мне,
Да што молóдинькёй-то... (о) сиротиночке,
А мне нету-то мужа мíлово,
И не вспомнит-то про меня-та он,
Да он зарыт-то в зимéлке сýренькёй,
Да што в неща́сную-то в войну-то он...»*

(№ 2693–52).

Каков же напев причетов, исполненных Екатериной Игнатъевой? Своеобразие варианта той или иной причитальщицы может быть продиктовано семейной традицией («голос» матери) или ориентацией на вариант определенной исполнительницы, напев которой послужил основой, образцом в процессе освоения плачей. В каких-то случаях можно предположить, что «свой» напев есть результат самостоятельного творческого процесса, а его элементы отражают личный выбор причитальщицы из возможных вариантов, существующих в местной причетной культуре. На эту мысль наталкивают те записи плачей, которые ярко выделяются среди других образцов. Стилистическое своеобразие проявляется в наличии таких деталей, которые не встречаются у других исполнителей (мелодический контур, нюансы ритмики, композиции) и создают впечатление индивидуализированного музыкального текста. Таковым можно считать и напев новгородской причитальщицы. Он

явно выделяется среди причетов, записанных как в поселке Неболчи и его окрестностях, так и в других деревнях района. Плачи Игнатъевой отличает значительная свобода сложения поэтических текстов (длина строк варьируется от 9 до 12 слогов), а также ритмическая и темповая подвижность напева. Интересна и трактовка Игнатъевой композиции причета. В ее исполнении типичная для данной местности форма с цезурой в середине строки часто трансформируется: пауза заменяется долгим тоном, нередко — со слогораспевом (Пример 1).

Несмотря на то, что плачи были исполнены по просьбе собирателей, Екатерина Михайловна эмоционально погружалась в процесс плача, что позволило ей приблизиться к той форме воплощения напевов, которая характеризует реальные ситуации оплакивания. Ее причеты насыщены плачевыми возгласами, которые свободно включаются в композицию напева (Пример 2).

Причетный напев Е. М. Игнатъевой своеобразен и в мелодическом отношении, поскольку представляет собой свободную декламацию на двух основных ступенях звукоряда, в процессе которой в зоне первого акцента оказываются различные тоны (для местной причеты такая ситуация не характерна).

Наконец, стоит отметить и особые качества звука, характеризующие плачи Екатерины Игнатъевой — специ-

фический тембр, высокий регистр, выразительность певческой артикуляции. В сочетании с характерным мелодическим обликом напева, эти свойства создают неповторимый звуковой образ, оставляющий сильное художественное впечатление.

...Сейчас в поселке Неболчи об Игнатъевой уже не помнят. Да и сами причеты там уже давно перестали звучать. С большим трудом (с помощью работников любытинского отдела культуры) мне удалось найти фотографию этой женщины, сохранившуюся у ее родственников. Это фото, по-видимому, — часть группового снимка, сделанного примерно в 1970-е годы. На нем изображена улыбающаяся, немного усталая женщина в белом платке... Собственно, все, что хотелось бы сделать, так это сохранить память о ней.

Екатерина Игнатъева — одна из простых крестьянок, разделивших сложную судьбу целого поколения, на долю которого выпали тяжелое детство, раннее сиротство, военные годы, вдовство, нелегкая работа в колхозе, одиночество в старости. И лейтмотивом этого поколения стал народный напев плача. Он помог русским женщинам выразить и избыть свою тоску, успокоить душу, послужил формой совместного переживания горя, а для многих из них стал основой личного творчества.

Пример 1. Причитание, исполняемое в лесу или в поле³

$\text{♩} = 160-170$

Да рас - пе - ки - ка ты, кра... ас - но сол - ныш - ко.
 Да о - бо - грей - ка ми - ня... а мо - ло - динь - кю.
 Да по - за - бы - та я по - за - бро - ше - на,
 Да и от - да - на я в чу - жи лю - дюш - ки,
 Да на даль - ну - ю ту... у сто - ро - нуш - ку.
 Да по - гля - жу я - то в ту - ю сто - ро - ну,
 Да где жи - вут - то мо - и ро - ди - те - ли.

³ Исп.: Е. М. Игнатъева, 1918 г. р. Зап. в п. Неболчи Любытинского р-на Новгородской обл. О. В. Шишковой (Смирновой), С. В. Мартюшевой, 16.01.1989 г. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 2693-49. Нотация: И. В. Королькова.

Пример 2. Похоронное причитание⁴

$\text{♩} = 160$

Да по - до - йду - то я, си - ро - ти - ноч - ка, —
 Да што кти - бе - то, да ми... и - ла ди - тет - ка. —
 Да ты о - ста - вил ми - ня... а, — мо - ло - ду - ю. —
 Да со сво - им - то да ми... и - лым де - туш - кам.
 Да я не встре - чусь - то и... и — не сви - жу - ся —
 Да што — сто - бой - то да ми... и - ло ди - тет - ко. —
 Да ты со - брал - то ни на... а гу - ля - ньи - цо —
 Да што сво - их - то дру - зей... ей, — ро - дны - е все,
 Да на тя - жё - ло - ё ро... о - ста - вань - и - цо... Ох! Ох! Ох!
 Да я у - ви - жу те - бя... а во сне то - лько, а ни на я - ву ти - бя, —
 Да мо - я ми - ле - нька - я... а ты ди - те - тко... Ох! Ох!

⁴ Исп.: Е. М. Игнатъева, 1918 г. р. Зап. в п. Неболчи Любытинского р-на Новгородской обл. О. В. Шишковой (Смирновой), С. В. Мартюшевой, 16.01.1989 г. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 2693-40. Нотация: И. В. Королькова.